

Пока Феликс с восхищением наблюдал, ему удалось разглядеть, что создание это — крылатый конь, один из легендарных пегасов. Его наездник был одет в длинную мантию и замысловатый головной убор волшебника. Одну из его рук окружала сфера огня, и Феликс понимал, что таинственный всадник может выпустить её мановением руки. Он видел волшебников Империи на полях сражений и знал, какой потрясающей силой они обладают.

Волшебник направил своего большого летающего скакуна рядом с кораблём. Мощные крылья ритмично двигались, с лёгкостью позволяя существу держаться бок о бок с воздушным судном. Маг тщательно всматривался, и Борек поднялся со своего кресла и проковылял к окну. Он помахал человеку, который ответил ему взглядом узнавания. Он пришпорил своего скакуна и понёсся вперёд, жестом указав, чтобы следовали за ним.

Макайссон взял штурвал и начал подстраивать курс. Это отразилось на движении воздушного корабля, который быстро снижал скорость и высоту, пока они опускались в направлении шпилей города.

Посмотрев вниз, Феликс увидел, что мощёные улицы заполнены людьми. Те с удивлением уставились вверх на проплывающее над головами судно, вытянув шеи, чтобы лучше видеть. На одних лицах было написано изумление, на других лишь страх. Отчего-то Феликсу подумалось, что осознанно или не осознанно, но те люди внизу наблюдают завершение своего образа жизни.

Тысячелетия их город безопасно и неприступно возлежал в своём скалистом орлином гнезде. Единственные способы попасть сюда — длинный, узкий и извилистый путь по склону утёса да канатная дорога, что шла из деревни у подножия. За всё время существования города ни одному завоевателю не удалось захватить эту местность. Тут были участки, где десяток человек мог с лёгкостью сдерживать тысячу, и так частенько случалось. Пегасов, виверн и прочих летающих созданий относительно немного — внушительную армию из них, несомненно, не составить.

„Дух Грунгни“ изменил всё. Он способен перевезти целое подразделение солдат в своём трюме. Флот подобных кораблей способен доставить на эту вершину целую армию. Необычно выглядящие пушки, которые Феликс заметил по борту корабля, могут издалека бомбардировать эти мощёные улицы и глиняные крыши — способ, который ранее не предпринимал ни один осаждающий. По странному стечению обстоятельств, сегодняшний день стал началом новой эры, и Феликс гадал, обнаружил ли это хоть кто-нибудь, кроме него самого.

Они пролетали над обрывами и извилистыми улицами. Высокие и узкие многоэтажные дома города вырастали на пути к центральному возвышению вершины, которая господствовала над громадами дворца курфюрста и величественного Храма Ульрика, Волчьего Бога. Два громадных строения были расположены друг против друга на самой высокой площади города, и как раз над этим открытым пространством, с ничем не перекрываемым видом на лабиринт лежащих внизу крыш и дымовых труб, воздушному кораблю предстояло остановиться.

Последние несколько минут Феликс недоумевал, каким образом будет выполнена эта операция, и теперь с восторгом наблюдал за происходящим. Их, безусловно, ожидали. На площади собралась группа гномов, а в камни площади были вделаны большие металлические кольца. Макайссон сдвинул назад один из рычагов управления, и гул двигателей изменился.

— Обратный ход, — прокричал он. — Прыстегниться!

У Феликса оказалось несколько мгновений на обдумывание, что тот имел в виду, прежде чем воздушный корабль замедлился до полной остановки. Затем Макайссон передвинул рычаг в нейтральное положение, и гул двигателей практически полностью смолк.

— Отдать швартовы!

Группа инженеров стояла у сложенных тросов. Они освободили захваты, и тросы начали, раскручиваясь, опускаться. Когда тросы опустились подобно якорям, гномы внизу были наготове. Они схватили тросы и быстро прицепили их к креплениям. За какие-то мгновения воздушный корабль был закреплён. Феликс пока не понимал, каким образом они спустятся вниз. Но его любопытство вскоре было удовлетворено.

Путь вниз был долог. Они находились на самом нижнем уровне гондолы, глядя на громадный люк, который только что открыли инженеры. На глазах у Феликса через люк спустили смотанную верёвочную лестницу. Продолжая разматываться под своим весом, та вскоре достигла поверхности земли. Один из гномов на площади схватил её и попытался привязать, но та, вопреки его усилиям, начала раскачиваться взад-вперёд.

Готрек посмотрел вниз сквозь люк, схватил верёвку и выскочил наружу. С проворством обезьяны он начал долгий спуск. Он пользовался только одной рукой, бесстрашно сжимая другой свой громадный топор.

— После тебя, Феликс, — произнёс Снорри.

Феликс посмотрел вниз. Спуск был долог, но если он вообще хочет оказаться на твёрдой земле, придётся воспользоваться верёвочной лестницей. Он выпрыгнул наружу и вниз, испытал болезненное чувство страха, когда перед тем, как коснуться верёвки, ноги оказались в воздухе. Затем он ухватился за верхнюю перекладину руками и начал, крепко цепляясь, спускаться, а ветер рвал его плащ и вызывал слёзы на глазах.

Верёвочная лестница оказалась неустойчивой. На ветру она крутилась туда-сюда. Феликсу хотелось бы иметь перчатки, потому что верёвка болезненно впивалась в пальцы. Он заставлял себя спускать ноги одну за другой. Наученный опытом погрузки на воздушный корабль, он старался не смотреть вниз. Для него оказалось неожиданностью увидеть на уровне крыш высунувшихся из окон людей, машущих ему. Вдали он слышал приветственные возгласы.

Сбивающее с толку чувство головокружения овладело им, когда он посмотрел вниз, на источник звуков. Он увидел, что площадь заполнена толпой людей, которую сдерживала лишь элитная стража курфюрста из рыцарей Белого Волка. Медленно до него дошло, что эти люди приветствуют его самого. Феликс был первым и единственным человеком, который спустился из воздушного корабля, и они предположили, что это кто-то вроде героя. Поэтому он помахал им, чтобы не разочаровывать. Ослабление захвата едва не стоило ему потери равновесия, а лестница качнулась вправо, чуть не сбросив его на мостовую. Он поспешно схватился за лестницу и продолжил спуск.

Феликс был счастлив, когда сапогами коснулся земли, и сомневался, бывал ли человек когда-либо счастливее, чем он в этот момент.

Группа тяжеловооруженных и богато одетых людей выступила со стороны дворца, чтобы поприветствовать путешественников. Их одеяния были сделаны из превосходнейшей ткани, а тяжёлые плащи — из норковых и собольих шкур. На плащах находился герб курфюрста Мидденхейма — волчья голова. Внешний вид встречающих наводил на мысль о богатстве, и в то же время смотрелся необычно варварски. Феликс понимал, что это делалось для

поддержания репутации города в неизменном виде, потому как по различным причинам мидденхеймцы отличались от остальных людей. Господствующей религией в городе был культ бога-берсерка Ульрика, а священнослужителей Сигмара — бога-покровителя Империи, скорее терпели, чем почитали. Это являлось источником постоянной напряжённости в Империи, но богатство и военная мощь этого могущественного города-государства позволили добиться права придерживаться собственного пути. Феликс понимал, что это редчайший случай в стране, где разногласия по религиозным вопросам часто являлись поводом для кровавой вражды между гражданами.

Похоже, что те люди были посланы для встречи гномов и препровождения их на аудиенцию у курфюрста Стефана{19}. Феликс отметил, что на него они смотрят с выражением некоторого удивления. Вполне понятно, что чего-чего, а обнаружить человека, спускающегося из огромного воздушного корабля, они не ожидали. Однако поклонились ему в придворной манере и уведомили, что его желает видеть курфюрст. Феликс возвратил им поклон и позволил проводить себя во дворец, то ли в качестве гостя, то ли пленника — он был не совсем уверен.

Дворец был стар и роскошен. Стены покрывали огромные гобелены с эпизодами из долгой и доблестной истории города-государства. Проходя мимо, Феликс распознал сцены из сражения при Хель-Фен и войн с графами-вампирами Сильвании. Он видел воинов в плащах из волчьих шкур, вовлечённых в сражение с зеленокожими орками. И изображения омерзительных полчищ Хаоса, осадивших город двумя столетиями ранее, во времена Магнуса Благочестивого.

Вырезанный из того же камня, что и сама гора, искусными, вне всяких сомнений, мастерами, дворец был огромен. Над каждым дверным проёмом вниз смотрели головы горгулий, а на самих арках были вырезаны весьма замысловатые фрески. Массивные плиты пола покрывали ковры из Тилеи, Аравии и Далёкого Катая. В каждом зале пылали дрова в огромных каминах, отгоняя холод высокогорья. Даже в дневное время в скрытых от света залах горели светильники, отсвечивая в сумраке.

Тут и там по заданиям своих командиров проходили здоровенные коренастые дворцовые стражники, и столь же часто богато одетые советники останавливались поглазеть на гномов и их сопровождающих. Наконец, сопровождаемые необычной тишиной по пути своего следования, Феликс и его товарищи вошли в тронный зал курфюрста Мидденхейма и оказались перед лицом могущественной худощавой личности, восседающей на Волчьем троне.

Феликс заметил и остальных, сгруппировавшихся подле трона. Большинство пожилых бородатых мужчин были, по его предположению, советниками, но две персоны выделялись. Одна склонилась вперёд и что-то прошептала в ухо графа. Это был высокий и стройный мужчина, облачённый в одежду из роскошного пурпура.

На предметах одежды золотой тканью были выложены символы, в которых Феликс распознал мистические знаки. На его лбу возлежал богато украшенный головной убор, всем своим видом напоминающий высокий, конический эльфийский шлем, только сделанный из войлока и золотой материи. На пальцах мужчины сверкали кольца с драгоценными камнями. От мужчины исходила неуловимая аура власти, заставлявшая Феликса беспокоиться. То был волшебник — наездник пегаса, а прошлое общение Феликса с волшебниками редко бывало приятным.

Другая личность была столь же интригующей. Высокая женщина, пожалуй привлекательная, о чём ему было сложно судить, стояла прямо у помоста трона графа. Феликс прикинул, что она, должно быть, ростом с него. Её одежда не походила на облачение придворного, как у прочих присутствующих в зале дам. Поверх белой льняной рубахи на ней был кожаный камзол без

рукавов. Кожаные штаны были прихвачены в талии ремнём из проклёпанной кожи. Высокие сапоги для верховой езды охватывали бёдра её длинных ног. Пепельно белые волосы были коротко подстрижены практически до корней. На узкой талии в ножнах покоились два меча. Выпрямившись, она стояла с вздёрнутым подбородком. Её внешний вид навевал мысли о дальних странах и отдалённых местностях. Ощувив на себе взгляд, женщина повернулась и посмотрела в направлении Феликса.

Гномы склонились перед троном курфюрста и начали свои напыщенные официальные представления. Курфюрст прервал их довольно тактичным образом, но в манере, свойственной военному, у которого нет времени выслушивать продолжительные речи. Феликс выступил вперёд, чтобы встать подле Готрека и Снорри, и отвесил лучший из известных ему придворных поклонов. Он заметил проблеск интереса во взгляде курфюрста, когда тот обнаружил человека среди делегации гномов, затем правитель снова обратил всё своё внимание на Борека.

— Наши советники подготовили для транспортировки на ваше судно материалы, которые вы запрашивали, — произнёс курфюрст Стефан.

По выражению лица Ольгера Феликс предположил, что чем бы ни были эти материалы, они, должно быть, обошлись в круглую сумму. Скрыга выглядел столь бледным и несчастным, словно перенёс ампутацию.

— Я благодарю вас, благородный правитель, и приветствую это подтверждение древней дружбы, связывающей наши народы.

Курфюрст улыбнулся так, словно приходился Бореку старым приятелем, и всего лишь был рад преподнести тому подарок. Феликс поднял глаза и был поражён, обнаружив, что смотрит прямо в голубые глаза женщины на помосте. Как оказалось, она была одного возраста с ним. В отличие от женщин-аристократок, её лицо было загорелым. У женщины были высокие скулы и широкие губы, что, несомненно, придавало ей необычную красоту. Феликс предположил, что она не из пределов Империи. Она склонила голову набок и изучала его. Феликс не привык к столь прямому и оценивающе-пристальному вниманию от женщин, но заставил себя выдержать её взгляд. Она вызывающе ему улыбнулась.

— Теперь вы должны рассказать мне о вашем уникальном судне и вашей цели, — произнёс курфюрст Стефан.

Борек обвёл зал многозначительным взглядом.

— Охотно, Ваша Светлость, но некоторые вещи лучше обсуждать наедине.

Курфюрст обвёл взглядом обширный зал аудиенций, толпу слуг, стражников и прихлебателей. Он кивнул в знак понимания и хлопнул в ладоши.

— Камергер, я желаю говорить с благородным Бореком наедине. Доставьте вино и угощение в мои покои.

Камергер поклонился, а курфюрст Стефан без лишних церемоний поднялся, спустился с помоста и предложил Бореку опереться на свою руку. Зал аудиенций начал пустеть прежде, чем Феликс это заметил. Через мгновения он и остальные гномы остались в одиночестве во внезапно опустевшем зале.

Феликс повернулся к Вареку. Молодой гном пожал плечами.

— Кто такие волшебник и девушка? — спросил Феликс.

— Как я полагаю, они наши пассажиры, — ответил Варек.

— Пассажиры?

— Я уверен, что или они сами, или мой дядя расскажет больше, если тебе следует это знать.

Похоже, Варек понял, что сказал больше, чем следовало, и поспешно удалился, оставив Феликса с Готреком, Снорри, Ольгером и Макайссоном.

— Я покину экспедицию здесь, — внезапно сказал Ольгер. — Хотел бы я остаться с вами, но здесь, в Мидденхейме, мне нужно заключить торговые сделки для клана. Удачи, и возвращайтесь с золотом.

Он поклонился и удалился тяжёлой поступью.

— Пускай катится, — усмехнулся Готрек.

— Снорри думает, старый скупердйя струхнул, — сказал Снорри.

«А почему бы и нет?» — подумал Феликс.

Он начал подозревать, что скряга — наиболее вменяемый гном из тех, кого он когда-либо встречал.

— Пошли-ка, поищем пива, — предложил Готрек.

Феликс остановился приобрести выпечку у уличного торговца. Он помедлил и осмотрел улицу, радуясь тому, что снова оказался в городе людей, и наслаждался плотной толчеей вокруг себя. Над головой маячили высокие многоэтажные дома Мидденхейма. Народ заполнял узкие извилистые улицы. Жонглёры подбрасывали разноцветные шары. Акробаты демонстрировали своё умение. Ярко разодетые люди на ходулях возвышались над толпой. Стучали барабаны. Играли дудки. Оборванные нищие протягивали грязные руки. Воздух был наполнен запахами жарящихся кур, печёных пирогов и ночных испражнений.

Феликс держал одну руку на кошельке, а вторую на рукояти меча, потому как был знаком с опасностями и хищниками городского образа жизни. Воры, карманники и вооружённые грабители были самым обычным делом. Детишки с перепачканными лицами следили за ним хищным взглядом. Там и тут сквозь толпу передвигались воины в плащах стражников.

— Привет, красавчик. Хочешь весело провести время?

Накрашенная женщина помахала ему из дверей обшарпанного дома. Её губы изобразили подобие улыбки. Другие посылали ему воздушные поцелуи из узкого окна сверху. Феликс отвернулся и прошёл мимо. Он было подумал о женщине, которую видел во дворце, но отбросил эту мысль. У него будет достаточно времени познакомиться с ней по ходу их путешествия.

От двери таверны нетвёрдой походкой отошёл пьяница и наткнулся на Феликса. Феликс сперва ощутил пивной дух от дыхания мужчины, а затем пальцы, ощупывающие его кошелёк. Подняв колено, он ударил в пах предполагаемого карманника. Застонав, мужчина свалился.

— Скорее, этому несчастному стало плохо, — закричал Феликс и перешагнул через

распростёртое тело. Сбежавшись, словно волки на ослабевшего оленя, уличные прохожие склонились над мнимым пьяницей. Феликс поспешно растворился в толпе, прежде чем стражники обнаружили беспорядок.

Он улыбался. Вернувшись в цивилизацию, окружённый соплеменниками Феликс чувствовал себя замечательно. Было славно уделить немного времени себе лично. Он был рад, что у него оказался свободен день, пока Борек вёл переговоры с курфюрстом, а гномы-инженеры загружали на борт воздушного корабля бочки с чёрным веществом. Готрек и Снорри отправились в таверну на нижних уровнях города, однако Феликс был не в настроении пьянствовать целый день. Воспоминания о последнем ужасном похмелье были ещё слишком свежи в его памяти. Вместо этого, он решил прогуляться по городу, а с Истребителями встретиться позже. Феликс был уверен, что будет несложно отыскать таверну „Волк и Стервятник“. До завтрашнего рассвета ему не нужно возвращаться на воздушный корабль. У него полно времени для кутежа, если он решит, что оно ему нужно.

Феликс с сожалением покачал головой. Почему-то получилось так, что за время перелёта до Мидденхейма он явно настроился на то, чтобы сопровождать гномов. Он не совсем был уверен — зачем, потому как это, несомненно, опасно. С другой стороны, возможно, есть смысл. Если бы он стремился к спокойной и безопасной жизни, то, вне всяких сомнений, сейчас работал бы в бухгалтерии торгового дома своего отца в Альтдорфе. На каком-то этапе странствий с Готреком Феликс стал получать удовольствие от образа жизни странствующего наёмника — искателя приключений, и он сомневался, что смог бы сейчас вернуться к своей прежней жизни, даже если бы захотел.

Это приключение притягивало само по себе. Возбуждающим было просто находиться на борту воздушного корабля, что, несомненно, сильно взволновало его. В светлое время дня, в этом перенаселённом городе, даже перспектива оказаться в Пустошах Хаоса была не столь пугающей. По сути, представлялся шанс увидеть места, которые лишь несколько людей посетили и возвратились вменяемыми, чтобы поведать об этом. И, разумеется, оставалась клятва сопровождать Готрека и описать его гибель.

Разумеется, Феликс понимал, что занимается самообманом. Он мог точно сказать, в какой момент принял решение остаться на воздушном корабле. И клятвы, приключения или волнительное путешествие тут ни при чём. Феликс решился, когда обнаружил, что женщина из тронного зала тоже будет пассажиром.

«Нет тут ничего дурного, — убеждал он себя. — Если только это не закончится моей смертью».

С окраины города Феликс смотрел на простирающийся внизу лес. По извилистым улицам он проделал весь путь вниз до огромных внешних стен, где небольшой подъём вывел его на зубчатые укрепления. Отсюда он мог видеть канатную дорогу, что доставляла купцов и их товары из маленького городка внизу. Как раз сейчас последняя поклажа за этот день подтягивалась по канату в сторону конечной станции на стенах.

Посмотрев ещё дальше, он увидел протянувшиеся до горизонта леса и реку, и был впечатлён тем, что у жителей Мидденхейма почти столь же хороший обзор, как и тот, что у него был через иллюминаторы воздушного корабля. Его изумляла находчивость и решительность, что позволяли осуществлять снабжение этого обширного города. Судя по книгам преданий, что он прочитал, город Белого Волка начал своё существование, как крепость; её высоты давали убежище тем, кто бежал от постоянных военных действий, проходящих внизу.

На протяжении долгих столетий увеличивающееся по численности сообщество заселяло

высоты, группируясь вокруг крепости и монастырской церкви Ульрика. Городок начинался, как обиталище аристократов и их дружин, но увеличился за счёт торговцев, обеспечивающих тех предметами роскоши. Разумеется, провиант и товары здесь более дороги, потому что доставляются снизу по канатной дороге, но аристократы владеют обширными поместьями на близлежащих территориях, и не обеднеют, заплатив пару лишних золотых. Это более чем приемлемая цена за повышенную безопасность, которой они наслаждаются в своей высокогорной обители. И, разумеется, под вершиной располагаются шахты — источник значительного богатства.

А помимо богатства и прочих, более мрачных вещей. Феликс слышал, что Готрек рассказывал про эти шахты и про протяжённый лабиринт туннелей, которые располагаются под горой. Шахты патрулируются солдатами-гномами и стражниками-людьми, потому как ходят слухи, что скавены устроили внизу своё логово. Внезапно Феликс чертыхнулся, раздумывая, а может ли он вообще когда-нибудь оказаться за пределами досягаемости проклятых крысолюдей. Вероятно, нет. Отчего-то ему казалось, что если воздушный корабль возьмёт курс на знойные джунгли легендарной Люстрии, то по прибытии они обнаружат, что под поверхностью уже рыскают скавены.

Солнце начинало садиться. Облака окрашивались кровавым светом по мере того, как оно спускалось за горизонт. На сторожевых башнях вдоль стены начали загораться светильники, и, посмотрев назад, Феликс увидел огни, появившиеся в окнах многоэтажных домов и таверн города. Он знал, что скоро появятся фонарики, а часовые с фонарями начнут ударами колокола оглашать время на улицах.

Феликс понимал, что пора возвращаться. Он совершил беглое знакомство с сообществом обитателей Империи, и другого случая могло не представиться. Феликс ощущал себя необыкновенно расслабленным и умиротворённым, словно приняв решение об участии в экспедиции гномов, он каким-то образом освободился от всех своих страхов и сомнений. «Уж лучше решиться, чем метаться в неопределённости», — подумал Феликс. Теперь выбор сделан, и он успокоился, обнаружив, что не испытывает по этому поводу печали. Феликс развернулся и по длинному мощёному пути начал возвращение во дворец, недоумевая, чудится ли ему, или он таки слышал быстрые перебежки по крышам позади себя.